

Глава 1

Больше всего он не любил режим дня. Подъем во столько-то ноль-ноль. Завтрак по дороге к лифту. К определенному часу на работу. В одно и то же время обед. Сидеть от и до. Приходить домой, ужинать перед телевизором, спокойной ночи, малыши, завести будильник, лечь засветло, чтобы опять проснуться ни свет ни заря. Главным образом из-за этой своей антипатии к упорядоченной жизни он и бросил вполне хорошую — не считая необходимости сидеть от и до — работу и несколько лет назад ушел в свободный полет, который, правда, оказался тоже не таким уж свободным. Конечно, с занудством конторской рутины никакого сравнения, но тоже пакости хватает. Например, такой, как прибытие твоего поезда на станцию назначения в пять утра, да еще такого не полетнему пасмурного утра.

Хорошо еще, что проводница Людочка разрешила ему маленько задержаться в купе,

чтобы не спеша помыться-побриться, одеться и оглядеться. Кипятком он с вечера термос заарядил, чтобы не шастать по вокзальным буфетам, а тяпнуть стаканчик растворимого кофе, не отходя от ставшей за ночь родной нижней полки. Так что все не так уж и плохо. Не считая того, что еще нет шести. Ну, куда бедному крестьянину податься в шесть утра, да еще в совершенно чужом городе, да еще если этот город — Москва?

Странно, но Москва действительно казалась ему чужой. Сколько он здесь не был? Года два, наверное. Отвык. Или Москва так изменилась?

Он побродил по Курскому вокзалу, без особого любопытства замечая изменения. Так, ничего особенного. Побольше товаров и услуг. Все те же товары, все те же услуги. Ничего нового, не считая нового «Стиморола» с еще более устойчивым вкусом. Охраны вроде стало побольше. А народу — поменьше. Или это из-за раннего часа?

Ну, в конце концов, не такой уж и ранний час. Уже вполне можно позвонить Марку. Почему он один должен страдать? Пусть и Марк проснется с рассветом. Сам же в гости приглашал. Так вот — целуйте меня, я с поезда.

Марк снял трубку после первого же гудка.

— Леший, это ты? Ну, здорово, ну, я рад, ну, молодец!

Голос у него был совершенно не сонный, бодренький такой голосок. Это возмутительно.

— Я тебя не разбудил? — удивился Алексей. — Или ты вообще не ложился?

— Да я всегда рано встаю, — объяснил Марк. — У меня теперь са-а-авсем другая жизнь... Ну, потом наговоримся. Ты с вокзала? Вот что, мне сейчас отъехать надо, где-то до двух-трех часов. Ты давай прямо сюда, ключ я в сто шестой оставлю. Поешь, поспишь, ну, все такое. А потом я приеду и повезу тебя в Павловку, к тете Наде. Там у нее один человек живет. Я тебя с ним познакомлю...

Голос у него был ужасно таинственный.

Алексей не выразил никакого любопытства, поэтому Марк тут же раскололся:

— Этот человек — моя невеста. Вот так. Ее зовут Оксана.

— А может, потом как-нибудь? — буркнул Алексей. — Может, я лучше к Лариске заеду? У тебя свои планы, что мне под ногами путаться...

— Знаешь что, — помолчав, строго сказал Марк. — Не двигайся с места. Я через пятнадцать минут за тобой заеду. Часок у меня будет, так что посидим, поговорим...

Что и требовалось доказать. Алексей повесил трубку и подмигнул своему отражению

в табличке «01, 02, 03». Он не потерял формы. А Марк все тот же.

Марк был не тот. То есть до такой степени не тот, что Алексей его просто не узнал. Даже не понял сначала, чего этот тип претя прямо на него, раскинув руки и сияя ослепительной улыбкой а-ля «Мистер Америка». Мистер Америка с налету заключил его в благоухающие не нашим парфюмом объятия и растроганно сказал Маркушиным голосом:

— Леший! Ну, хоть бы сколько-нибудь изменился! Ну, как из холодильника!

— Зато ты... ну, Маркуша! Нет слов, — честно признался Алексей. — Потрясен. Раздавлен. Убит. Ты что, банкиром заделался?

— Вообще-то да, — неожиданно сказал Марк. — В смысле — я работаю в банке. И знаешь, перспективы вполне... — он поплевал через плечо и потянул Алексея к стаду машин на стоянке. — Пойдем, по дороге поговорим.

Еще раз Алексей остолбенел перед мягко сияющим «BMW», дверцу которого Марк открыл с подчеркнутой небрежностью.

— Я смотрю, ты вовсю процветаешь, — с подчеркнутой же завистью сказал Алексей. — Ну, просто новый русский, не считая того, что старый еврей.

— Я же не еврей, ты же знаешь! — вскинулся Марк.

— Шучу, — успокоил его Алексей. Он забыл, что у Марка мало того, что болезненный пункт по поводу имени, так еще и чувства юмора нет. То есть вообще. Напрочь. И вот ведь что удивительно — у всех его жен было вполне нормальное чувство юмора. Конечно, с поправкой на женскую логику. И ничего, со всеми Марк прекрасно уживался. Вплоть до развода.

— Новая невеста опять двухметровая блондинка с голубыми глазами? — почти утвердительно сказал Алексей. Все жены Марка были похожи, как близнецы. Совершенно непонятно, почему он менял одну на другую. — Бой-баба из купеческого сословия? Папа — замминистра, мама — президент фирмы «Рога и копыта», бывший муж — дипломат, брат — рэкетир?

— Да ну тебя, Леший, — Марк был несколько смущен. — Всегда ты все утрируешь. Во-первых, Оксана никакая не блондинка. Она довольно темненькая...

— Брюнетка?! Не пугай меня, Марк. Что с тобой случилось?

— Да нет, не брюнетка, конечно, — поспешно сказал Марк. — Но не блондинка. В общем, неопределенного цвета... Ну, не важно. Она, конечно, не красавица... то есть обычная внешность, ничего особенного, и невысокая... И папа у нее не замминистра. В смысле — у нее вообще нет отца. Он недавно

погиб. Там какая-то темная история, я особо не вдаюсь, знаешь, о родне меньше знать надо и меньше слышать...

Ну и ну. Новая невеста у Маркуши была «ничего особенного», да еще и не блондинка. И папа не замминистра. Значит, Маркуша влюбился. Хотя, с другой стороны, влюбленный до потери холостяцкой свободы человек не стал бы говорить о своей невесте такие слова, как «не красавица», «ничего особенного»... Ладно, разберемся.

В большой и очень ухоженной квартире Марка тоже произошли кое-какие изменения. Новая мебель, новая видеотехника, новые кухонные прилады... А впечатление было прежним — будто большой, дорогой, вычищенный до стерильности гостиничный номер, готовый к вселению жильцов. Но нежилой.

— А почему твоя Оксана у тетки Надьки живет? — спросил Алексей, оглядываясь в стерильной кухне и отмечая отсутствие всяких признаков пользования этой кухней.

— Как почему? — искренне удивился Марк. — Оксана же не москвичка. Квартиру в Москве сейчас снять сколько стоит? В Павловке все-таки у знакомого человека, и дешевле намного. У нее зарплата небольшая пока, недавно работает... вернее, подрабатывает. Она еще учится, в МГУ. Диплом пишет уже.

Алексей непонимающе уставился на Марка, и тот, помявшись и как-то неуверенно поулыбавшись, договорил:

— Она не бой-баба. Она довольно молодая еще. Ей скоро двадцать три года.

Довольно молодая еще... Очевидно, Марк спятил. Не может быть. Алексей не мог представить себе Марка, который спятил бы из-за женщины. Из-за какого-нибудь нарушения параграфа — сколько угодно. И даже из-за не совсем удачной стрижки. Или, допустим, из-за ободренных котенком обоев — это Алексей сам видел еще много лет назад. Но из-за женщины? Никогда такого не было, даже в дни бурной юности.

— А почему бы тебе ее не удочерить? — неосторожно ляпнул Алексей, забыв, что у Марка была еще одна болевая точка — возраст. Даже тогда, когда все нормальные пацаны стараются казаться взрослыми, Марк боялся выглядеть старым.

— Знаешь, Леш, — тут же надулся Марк и стал поправлять свой вызывающе скромный галстук. — Я тоже человек веселый, и посмеяться люблю, и все такое... Но, знаешь, всему есть границы. Я что, совсем старая развалина? Ты-то сам намного моложе?

— Да ну, мы же почти ровесники, — успокаивающе сказал Алексей. Это было не совсем

так. Алексею через месяц будет тридцать два. Марку месяц назад стукнуло тридцать семь. Но после тридцати о разнице в возрасте думать уже как-то неинтересно. — Что ты дергаешься? Это я так шучу.

— А-а... Я, знаешь, отвык от твоей манеры. И, знаешь, ты при Оксане так не шути, ладно?

— Ладно, — согласился Алексей. — Вы с ней здесь будете жить?

— Нет, — неуверенно сказал Марк. — Не совсем. Сюда мама хочет переехать. А я хочу соседнюю квартиру купить. Я и с хозяевами уже говорил.

— Ого, — удивился Алексей. — Так ты у нас и правда богаченький?

— Да как сказать, — Марк заерзал на табуретке, резко двинул чашку — так, что кофе выплеснулся на стол, — взял стерильно чистую салфетку и долго вытирал кофейную лужицу. Потом аккуратно сложил салфетку и спрятал ее в специальную коробку для испачканных кухонных тряпок, предназначенных в стирку. Потом опять уселся за стол, помолчал и нервно хмыкнул. — Ну, ладно, все равно ты узнаешь. Это Оксана, так сказать, богатая. Она недавно десять миллионов выиграла.

— Что она сделала? — изумился Алексей.

— Ну да, я сам обалдел, — виновато сказал Марк. — Я, знаешь, никак не ожидал, что она

эти билеты покупает. Такая разумная девушка, деловая, строгая. Никаких романтических бредней... А она, оказывается, в это лото все время играла. Так, знаешь, на нее не похоже. Ну, ладно, все кончилось хорошо...

— Да уж куда лучше, — подхватил Алексей сочувственно.

— Ты опять смеешься? — Марк подозрительно пригляделся и поджал губы. — Ну, не важно. Главное теперь — правильно деньги вложить. Оксана, конечно, на всякие глупости не способна, но все-таки... Опыта у нее никакого, да и родня с толку сбить может...

— Но ты же никому не позволишь сбить ее с толку? — озабоченно спросил Алексей.

— Конечно, нет! — энергично сказал Марк. — Я с ней уже говорил на эту тему. Ну, не конкретно, а так, в общих чертах. К счастью, она вполне управляема. Это, знаешь, не Лариса. И вообще ничего общего с москвичками из этих... ну, ты понимаешь.

— Понимаю, — задумчиво протянул Алексей. — Я все понимаю. Кроме одного — с каких это пор тебе москвички разонравились? И особенно — «из этих»?

— Да они мне никогда и не нравились, — неожиданно откровенно признался Марк. — И вообще пора остепеняться. Все, что нужно, у меня есть, пора и детей заводить. Оксана — девушка

молодая, здоровая, воспитанная в строгости... Да ты не смейся. Если вдуматься, так это очень важно, чтобы у твоих детей была нормальная здоровая мать, без всяких, знаешь, закидонов. Какая мать из поэтессы? Или, допустим, художницы?

— Не говоря уж об актрисах, — подсказал Алексей. Три жены Марка были именно актрисой, поэтессой и художницей.

— Вот именно, — серьезно согласился Марк. — У Оксаны, слава богу, никаких таких талантов. Да и вообще она не честолюбива.

— Ну, тебе везет, — завистливым голосом пропел Алексей. — Богатая невеста, да еще воспитанная в строгости... да еще и управляемая... да еще и без всяких талантов... Это тебе крупно повезло.

— Да, можно сказать, повезло, — не уловив сарказма, самодовольно согласился Марк. — Материал, конечно, сырой... Довольно молодая еще, да и, знаешь, провинция все-таки. Нет того стиля. Но к моим советам прислушивается, так что...

Алексей уже не слушал. Ему вдруг стало жалко эту глупую девчонку, эту маленькую серенькую мышку, эту богатую невесту его бывшего однокурсника, бывшего секретаря райкома комсомола, бывшего мужа красавицы Лариски, а сейчас — преуспевающего